Анна Козлова

Эффективный менеджмент (против) советского наследия в эпоху возрождения детского лагеря «Артек»[1]

Anna Kozlova

Effective Management vs. Soviet Heritage in the Era of the Revival of the *Artek* Children's Camp

Анна Козлова (ЕУСПб, факультет антропологии, аспирант) yeklopozhka@gmail.com.

Ключевые слова: советское наследие, культурный ресайклинг, *Артек*, пионерский лагерь

УДК/UDC: 94 (47).084.9

В статье рассматривается проблема использования советского наследия на примере международного детского центра «Артек» в периоды с 1991 по 2014 год и после присоединения Крыма к России, с 2014 по 2018 год. Исследуя собственный опыт работы в лагере, автор показывает, что новые управленческие стратегии нацелены на символическое «возрождение» центра (или его «апсайклинг»), но одновременно разрушают механизмы работы, сложившиеся в советское время. Обращение с советским наследием при построении современной концепции «Артека» напоминает процесс культурной апроприации: избавляясь от рухляди в музеях и дискриминируя советских сотрудников — очевидцев советской истории, новые идеологи не отказываются от эксплуатации элементов советского в официальных самопрезентациях.

Anna Kozlova (Graduate student, Anthropology Faculty, European University at St. Petersburg) yeklopozhka@gmail.com.

Key words: Soviet heritage, cultural recycling, *Artek*, young pioneer camp

UDC: 94 (47).084.9

The article examines the problem of the use of Soviet cultural and ideological heritage through the example of the *Artek* International Children's Center in the periods from 1991 through 2014 and after Russia's annexation of Crimea, from 2014 through 2018. Reflecting on her field experience of working at the camp, the author shows that the new management strategies are aimed at the symbolic "rebirth" of the center (or its "upcycling"), while simultaneously destroying the mechanisms of work that formed during the Soviet era. The treatment of the Soviet heritage during the creation of the contemporary *Artek* is reminiscent of the process of cultural appropriation: while disposing of junk in museums and discriminating against Soviet staff members, the witnesses of Soviet history, the new ideologues do not shy away from taking advantage of Soviet elements in their official self-representation.

Самолетом, пароходом, поездом 32 дня добирался мальчишка к морю. И, когда сдал в камеру хранения зимнее пальто и чемодан, улыбнулся:
— Артекка оэчугэй!
Его окружили ребята:
— <...> Откуда?
— Таймырский полуостров

[Коваленко 1963].

Я благодарна организаторам зимней школы «Punk Ethnography School», информационное письмо которых заставило меня отрефлексировать болезненный полевой опыт, легший в основу этой статьи, всем участникам случившегося во время этой школы обсуждения, которое произвело на меня целительный эффект катарсиса и в особенности — Олегу Журавлеву, подарившему мне блестящую мысль о поиске

> Чтобы попасть в «Артек», 15-летний ямалец Някуча Лаптандер пешком прошел 50 км по тундре от дома до кочевой школы, где его ждала заветная путевка. У других артековцев истории не столь необычные, но для каждого поездка сюда — это радость, переходящая в счастье, которое они ощущают, погружаясь в здешнюю атмосферу
>
> [Житникова 2018].

Вынесенные в качестве эпиграфа цитаты взяты из текстов, опубликованных с разницей в пятьдесят пять лет, однако их риторика чрезвычайно схожа. И смысл высказываний идентичен: забота правительства о маленьких подданных необъятного и многонационального государства, которую демонстрирует справедливое и равноправное распределение путевок в страну счастливого детства — детский лагерь в Крыму «Артек», а также неутолимый энтузиазм, с которым дети стремятся его посетить.

В 2014 году, вместе с присоединением Крыма к России, международный детский центр «Артек», представляющий собой комплекс из десяти детских лагерей, вновь стал частью Российской Федерации. Образованный в 1925 году как первый санаторий для детей в Советском Союзе, пионерский лагерь «Артек» был известен повсеместно и в СССР, и за его пределами. На протяжении шестидесяти шести лет его рекламировали в советской прессе как воплощение советской мечты и сказки. С середины 1930-х годов и вплоть до распада СССР поездка сюда была наградой за особые достижения в пионерской работе и учебе, а с 1957 года лагерь, перешедший из ведения Министерства здравоохранения под юрисдикцию ЦК ВЛКСМ, стал выполнять роль флагмана пионерского движения, получив статус школы пионерского актива.

После того как Крымский полуостров стал частью Российской Федерации, как у представителей власти, так и у российских СМИ судьба лагеря вызывала самый живой интерес. И это не удивительно: до 2014 года на территории Российской Федерации проживало более полумиллиона счастливцев, побывавших в советской «столице детства». Работа с ностальгическими настроениями, в буквальном смысле с «тоской по утраченному дому», россиян-артековцев стала оправдательным инструментом политики, проводимой на аннексированном полуострове. Провоцируя подъем патриотизма, власти и медиа заговорили о необходимости «возрождения» детского центра. Спустя несколько месяцев после включения Крыма в состав Российской Федерации «Артеку» был присвоен статус «федерального государственного бюджетного учреждения» [О создании 2014], а на его реконструкцию было выделено 25 миллиардов рублей. Во время обсуждения концепции развития «Артека» в 2014 году с официальными представителями правительства РФ прозвучала мысль о том, что «Артек», как

логики «эффективного менеджмента» в новом «Артеке». Я выражаю крайнюю признательность Михаилу Лурье и Александру Панченко за ценные советы, а также составителю блока Валерию Вьюгину за приглашение к публикации и терпеливое и вдумчивое чтение. И наконец, эта статья обязана своему появлению программе YRUSH (Young Russian Scholars Helsinki Fellowship) института Алексантери (Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Finland), во время моего участия в которой она была написана.

и в советские времена, должен получать финансирование из федерального бюджета, путевка в него должна, как и прежде, служить поощрением для талантливых детей, а сам лагерь вновь должен обрести статус флагмана — только не пионерского движения, а российского образования [Презентация 2014]. В речи высокопоставленных лиц постоянно фигурировали словосочетания: «вдохнуть новую жизнь», «восстановить», «вернуть былую славу», — что вполне согласуется с идеей Ф. Мартинеза, который, апеллируя к буквальному прочтению значения слова «repair» (ремонт, восстановление), указывает на способность пришедших в упадок объектов после реутилизации восстанавливать идентичности, историю и отношения, снова соединяя воедино то, что еще недавно было разъединено (re-pair) [Martinez 2018: 54]. Так, российские СМИ активно эксплуатировали образы «руин», «разрухи» и «деградации», которые в системе координат официального дискурса характеризовали «украинский период» (1991—2014) в истории лагеря. Между советским прошлым и российским будущим — сквозь черную дыру «украинского безвременья» — устанавливалась прямая связь.

Логика преемственности между советской и российской эпохой «Артека» нашла отклик и у населения Российской Федерации. Например, среди работ, представленных на конкурс нового логотипа лагеря, в результате публичного голосования победил рисунок девятилетнего школьника из Воронежа, изображавший звезду с красным абрисом (повторяющим контуры советского пионерского значка), горн, барабан, море, скалы Адалары (элемент узнаваемого природного ландшафта «Артека») и костер. И хотя в конечном дизайнерском варианте с эмблемы исчезли элементы официальной пионерской символики, оказавшийся в центре экспозиции «костерок» — неофициальный символ пионерского детства — по-прежнему отсылал к легендарному советскому прошлому.

Вместе с тем в публичных дискуссиях совсем не акцентируется внимание на том, что в момент принятия решения о глобальной перестройке лагерь был действующим. В 1990 году в «Артеке» прошел X Слет пионерской организации, во время которого было принято решение о роспуске последней и образовании вместо нее союза детских организаций (СПО ФДО). Вопреки опасениям журналистов [Логинова 1989; Сергеева 1990; Столяров 1990], «Артек» продолжил работу. Еще до событий августовского путча, в июне, лагерь изменил свой статус, превратившись в международный детский центр, а в 1993 году «Артек» стал государственным предприятием Украины и перешел на самоокупаемость: путевки в «Артек» поступили в свободную продажу. Так, несмотря на многочисленные сложности с финансированием, в период с 1991 по 2014 год «Артек» не прекращал работать. Более того, ко времени вхождения Крыма в состав РФ значительную часть сотрудников детского центра, в том числе и в аппарате управления лагеря, составляли те, кто еще до 1991 года начинал там свою карьеру в качестве вожатых. Разрыв между эпохами и образ деградировавшего, пришедшего в запустение лагеря являлся в большей степени политическим конструктом, нежели социальной реальностью. В этой статье я прослеживаю, во-первых, как адаптировали советскую систему лагеря к демократической эпохе его работники в 1990-е и 2000-е годы и, во-вторых, как сказался на ее функционировании символический акт «возрождения» детского центра Российской Федерацией.

«Артек 2.0»: неосоветский или постсоветский проект?

Как и другие официальные лица, новые рулевые «возвращенного “Артека”» не увидели в нем ничего, кроме советского наследия, порядком обветшавшего и давно утратившего свою функцию. Однако, руководствуясь призывом В. Медведева «сделать “Артек” таким, каким он был в советский период, но с учетом современных требований» [Перезагрузка 2015: 4], идеологи возрождения выбрали курс не на реставрацию, но на коренное переустройство детского центра. Новая российская дирекция приступила к модернизации лагеря, определив ее концепцию английским словом «refresh» [Там же: 5]. Как и в случае начатой одновременно с «воскрешением» «Артека» реконструкцией ВДНХ, ход которой был проанализирован А. Шенле [Шенле 2018], целью обновления лагеря явилось «восстановление имперской идеологии памятника, но не его исторической подлинности», поскольку последняя «поражена идеологией» и может быть воспринята как политический лоялизм по отношению к ушедшей эпохе [Бреслер 2018]. Пытаясь защититься от обвинений в апологетике советской идеологии и возрождении режима, которую усматривали некоторые журналисты в ностальгически «отреставрированных» [Бойм 2013] символах, российское руководство постаралось затушевать символическое возвращение к советскому прошлому. Так, комментируя уже обсуждавшийся выше новый логотип лагеря в прямом эфире канала «Россия 24», директор «Артека» (2014—2018) А. Каспржак предпочел выразить идею изображения в нейтральных терминах «воды и огня» [90 дней 2015]. В соответствии с правилами успешного использования «советского» в современном брендинге, предполагающем отказ от официальных символов [Горалик 2006], компанией «Bosco» для лагеря была разработана новая форма (элемент распорядка, унаследованный от советского «Артека»), однако в ее комплект после некоторых дискуссий не был включен галстук. Разъясняя смысл игры-реконструкции «Назад в будущее!» [Артек 2015], проведенной в лагере в юбилейную смену 2015 года, согласно сценарию которой детям предлагалось прожить несколько дней как пионерам 1920-х годов, ее разработчики нарочито подчеркивали, что они «строят обновленный, направленный в будущее “Артек”», сглаживая таким образом впечатление от журналистских отчетов об этом событии, пестрящих салютующими детьми и руководителями в красных галстуках. Наконец, А. Каспржак подчеркивал в упомянутом телевизионном эфире, что девяностолетие «Артека» должно стать «не ретроспективным, ностальгирующим, а перспективным праздником, который закладывает абсолютно новые традиции для существующего бренда» [90 дней 2015].

Иными словами, если российское правительство вкладывало в проект возрождения «Артека» смысл реставрации утраченного вместе с распадом Советского Союза передового детского центра (или, переводя на язык реставрирующей ностальгии, «возрождения посредством возвращения к былым национальным символам» [Бойм 2013: 119]), то дирекция лагеря, поддерживая этот импульс, предполагала, что для сохранения за «Артеком» функции ведущего детского учреждения парадоксальным образом требуется отказаться от потакания ностальгическим настроениям и радикально обновить механизмы работы центра.

В прошлом образе «бренда» новую дирекцию не устраивало многое, начиная с самого понятия «лагерь», которое досталось им в наследство вместе с «Артеком». В 2016 году один из авторов новой образовательной программы Ю. Ээльмаа опубликовал в информационно-методическом журнале «Артек — Со-Бытие» манифест «Артек как образовательный лагерь», в котором признал «лагерь» «неточно определенным термином» [Ээльмаа 2017: 6]. По его мнению, унаследованное от советской эпохи определение отрасли как «организации отдыха и оздоровления детей» в XXI веке неактуально [Там же]. В результате «Артек» было решено перепрофилировать в образовательный институт — систему, обладающую четкими прогнозируемыми результатами и системой оценки их достижения.

Пользуясь известной метафорой, можно сказать, что целью нового руководства, таким образом, стал не просто ресайклинг советского центра, то есть не переработка «мусора», каковым признавалась «пришедшая в упадок» материальная база и программы бывшего пионерского лагеря, а его апсайклинг — вторичное использование продукта как материала для другого, нового и по возможности более ценного продукта [Тихомирова 2015]. Впрочем, любые преобразования, будь то ресайклинг или апсайклинг, неизбежно являются еще и разрушением и также ведут к появлению «отходов» — того, от чего необходимо избавиться, чтобы новый продукт смог успешно функционировать [Thompson 1979], и мне бы хотелось заострить свое внимание именно на динамике процесса сортировки полезных и бесполезных элементов советского наследия знаменитого лагеря на протяжении постсоветского периода. Любопытная особенность процесса переработки советского наследия «Артека» заключается в том, что лагерь фактически столкнулся с ней дважды: в 1991 и 2014 годах. Поэтому далее речь пойдет о тех элементах советского порядка, которые успешно пережили распад Советского Союза и были положены в основу его постсоветской системы, но оказались ненужными пережитками при ребрендинге лагеря в 2014 году.

О(т)жившее колониальное прошлое антропологии в «Артеке»

Для прояснения конфликта, о котором пойдет речь дальше, необходимо посвятить читателя в мою полевую историю. Мое исследование началось с трех месяцев включенного наблюдения. Попав в «Артек», я имела лишь интуитивные представления своего будущего проекта, а мои интересы концентрировались вокруг «живого прошлого» лагеря. Первым этапом полевой работы стала Школа педагогических работников (ШПР) — способ профессионального обучения вожатых, который заключался в проживании месяца в лагере в статусе «детей» (с соблюдением режима и попутного обучения новичков организации традиционной программы смены). Частыми гостями и лекторами школы были «опытные педагоги» — начальники разных подразделений «Артека», многие из которых начинали свой карьерный путь еще вожатыми в советскую эпоху. Они стали моими первыми информантами: опыт жизни в «стране счастливого советского детства» казался мне экзотичным и загадочным, я тратила на встречи и беседы с ветеранами «Артека» большую часть своих вожатских выходных. Основываясь на тогда еще совсем скромном корпусе интервью, я написала пи-

лотный доклад о внутреннем взгляде советских сотрудников на «Артек». Случайным образом моей работой заинтересовался человек N. из генеральной дирекции «Артека». Познакомились мы с N. в следующей ситуации: он должен был подписать мне разрешение уехать из «Артека» на время конференции, и, когда я честно рассказала ему, чем занимаюсь и о чем буду делать доклад в Москве, N. попросил почитать текст. Поскольку, как мне казалось, мои рассуждения не содержали ничего «критического», а даже напротив — раскрывали новые смысловые грани рецепции официального нарратива об «Артеке», я дала почитать его N. с легким сердцем. N. нашел мой доклад крайне любопытным и спустя несколько дней сообщил мне, что разослал его «своим» (то есть сотрудникам центра) по корпоративной почте. Еще через некоторое время после этого N. предложил мне ставку штатного антрополога (мы договорились, что я буду работать над проектом с условным названием «Википедия “Артека”», имея доступ к любым материалам и информантам). Однако к этому времени я стала замечать, что сотрудники (даже те, с которыми у меня сложились теплые отношения) стали меня сторониться, интервью стали короткими, нескладными, обезличенными. Решив, что дело в моей «дружбе» с N. и нарушении иерархии (но никак не в безобидном докладе) я отказалась от этого предложения и продолжала свое исследование за пределами «Артека».

Вернувшись в «Артек» спустя три года, я надеялась, что моя полевая история совершенно забыта сообществом. Но в этот раз старожилы соглашались разговаривать со мной еще менее охотно, некоторые сопровождали отказы от интервью резкими отповедями, отправляя за информацией о советской истории в библиотеку, но самое странное — почти никто из них не использовал привычный мне по интервью, записанным в Москве и Петербурге, а также в самом начале моей работы в «Артеке», восторженный эмоциональный регистр. Я списывала свои неудачи на то, что я аутсайдер, младше по возрасту или на то, что записываю большинство интервью на рабочем месте.

Разобраться в истинных причинах полевых неурядиц я решила только после того, как позвонила В., одной из своих бывших педагогов-наставниц, радостно сообщила о том, что приехала и попросила ее о встрече. После долгой паузы на другом конце трубки я услышала: «Что, Аня, мне еще рассказать вам про солнечный “Артек”?» В процессе разговора выяснилось, что В. теперь работает в одной из вспомогательных структур «Артека» за пределами его территории. Учитывая, что В. работала в «Артеке» последние тридцать с лишним лет на руководящих позициях, эта новость вызвала у меня недобрые предчувствия. За объяснениями В. попросила меня обратиться к N. Во время визита к N. мне открылась неприятная правда, которую я старательно отказывалась замечать. Я наконец-то поняла, что означал интерес N. к советскому «Артеку» и моей работе: N. хотелось обновить концепцию детского центра, а реализовать эту идею ему казалось возможным только при условии «очистки» «Артека» от подзадержавшихся там работников, которые и являлись моими основными информантами. Как и я, N. находил решение провести всю жизнь в комнате вожатского общежития «Артека» экзотическим, но если я была склонна видеть в нем проявление советского идеализма, то N. считал его проявлением слабоумия. Встреча с антропологом в «Артеке» окончательно укоренила его представление об отсталости местного педагогического состава — «аборигенов», которых приехал изучать этнограф из Петербурга. Спустя три года выяснилось, что, рассылая мое эссе своим сотрудникам, N. сопроводил его комментарием, в котором

сообщалось, что в моей работе он нашел первое ясное описание «Артека». Таким образом N. намекал на массу педагогических диссертаций, авторы которых работали в «Артеке» и, конечно же, были включены в рассылку. На основании моего исследования N. сделал вывод, что «советские старожилы» «Артека» умеют только восторгаться и пустословить. В результате моя «невинная» работа о ностальгии стала одним из поводов для свершения кадровых перестановок, а дискурс, который я изучала, оказался поломанным и стигматизированным.

Я прекрасно отдаю себе отчет, что работаю прежде всего с конфликтом двух педагогических риторик, а возможность судить об эффективности той или иной педагогической технологии находится далеко за пределами моей профессиональной компетенции. И все же я публикую эту историю с искренней симпатией ко всем участникам моего исследования и тайной надеждой, что прояснение механизмов обращения с советским наследием может помочь поискам консенсуса между разными поколениями сотрудников «Артека», каждое из которых страстно желает вновь сделать его истинной «столицей счастливого детства».

Ветераны «Артека», или Жизнь советских идеалистов

Материалом для моего исследования послужили глубинные интервью с ветеранами МДЦ «Артек» — с теми, кто начинал свою работу там в статусе вожатых в 1960—1980-е годы в возрасте 18—25 лет и до сих пор работает в различных структурах лагеря: методистами, начальниками лагерей, учителями школы, руководителями образовательных программ, врачами, библиотекарями и даже вахтерами. За время двух поездок в «Артек», одна из которых представляла собой исследование по модели включенного наблюдения в роли начинающего вожатого (март — май 2015 года), а другая являлась визитом с целью открытого интервьюирования (март 2018 года), мной было собрано около 30 бесед продолжительностью от 30 минут до 7,5 часов. Самый старший из моих собеседников приехал в «Артек» в 1960 году в возрасте 20 лет и в настоящее время работает в там заведующим медпунктом. Самая молодая собеседница присоединилась к коллективу в 1990 году после окончания педагогического института. В 2018 году она занимала должность методиста одного из подразделений центра.

Система подбора кадров в «Артек» в советский период предполагала, что обкомы и крайкомы комсомола всех областей и республик должны направлять вожатых во Всесоюзный пионерский лагерь сроком на два года, но, несмотря на это, некоторые вожатые работали в «Артеке» значительно дольше. Из бывших вожатых формировался и постоянный штат лагеря: методистами и учителями школы, старшими вожатыми и начальниками лагерей, физкультурными работниками и туристическими инструкторами становились те, кому по истечении срока «комсомольской путевки» поступало предложение остаться в лагере. Как отметила одна из моих собеседниц, получить такое предложение считалось очень почетным, оно могло поступить только «лучшим из лучших». Со временем большинство работников лагеря получало постоянную прописку в общежитии для сотрудников «Олимпийское» и, как они сами определяют свой образ жизни, «сгорали на работе», полностью посвящая себя воплощению советской утопии.

Даже 1991 год не принес серьезных изменений в повседневную жизнь постоянных работников «Артека»: преодолевая трудности с перебоями тепла, электричества и нерегулярными зарплатами, сложившаяся диаспора советских идеалистов, фактически еще до распада СССР обособившаяся от «страны исхода» и потерявшая с ней прочную связь, начала разрабатывать стратегии выживания в условиях капитализма [Kozlova 2021]. В отличие от последствий изменений государственных границ 2014 года, политический переворот 1991 не повлек за собой выбора нового «украинского» главы лагеря. Начальником главного управления, а с 1993 года — генеральным директором детской здравницы стал М.М. Сидоренко, присоединившийся к коллективу лагеря в 1986 году [Сидоренко 1999]. Когда я впервые приехала в «Артек», на территории лагеря и в его окрестностях проживало около двухсот семей сотрудников центра, которые дважды пережили смену государственного строя, но сохранили приверженность законам «столицы счастливого советского детства». Большинство из них встретили «крымскую весну» с воодушевлением, некоторые даже получили медали за присоединение Крыма к России, хотя были и те, кто покинул лагерь в знак солидарности с Украиной, мотивируя это тем, что «Украина сохранила “Артек” в самые непростые годы безвременья» (цитата из личной переписки с сотрудницей «Артека», проработавшей в нем тридцать восемь лет, а в 2015 году открывшей одноименный лагерь в Карпатах).

Однако, вопреки первоначальному энтузиазму, последовавшие реформы педагогических программ и обновления материальной базы часть ветеранов центра нашла разрушительными. По их мнению, попытка нового руководства восстановить былую славу лагеря привела к гибели некоторых артековских традиций (или, точнее, — «обычаев», пользуясь разделением Э. Хобсбаума [Хобсбаум 2000]), сложившихся в лагере в советскую эпоху и составляющих основу его успешного функционирования. В следующих параграфах речь пойдет об оценке бывшими вожатыми жизнеспособности унаследованных от советского периода практик.

«Советские» обычаи и традиции «Артека»

Примечательно, что негативное отношение к ритуалам, вызывавшим ассоциации с советским строем, в «Артеке» появилось еще до распада Советского Союза. С началом перестройки на «Артек» обрушилась волна обвинений в приверженности «традициям» и нечувствительности сотрудников лагеря к переменам в жизни страны. Она была спровоцирована обсуждением итогов IX Пионерского слета, прошедшего в «Артеке» в 1987 году и представленного в прессе как мероприятие, на котором парадные традиции, разработанные «по знакомой схеме» [Муртазаев 1987: 3], обернулись ущемлением права пионеров в принятии итогового постановления. Растиражированная СМИ история о мальчике, который предпочел вместо ритуального скандирования «Всегда готов!» выйти на трибуну с протестом, стала поводом для упреков «Артеку» в «заорганизованном» порядке [Швыдков 1988; Родионова 1988; Столяров 1990]. В 1988 году бывший на тот момент начальником главного управления «Артека» Виталий Шевченко провозгласил открытый отказ от «традиций», к которым относились «хождение строем, речевки, ежедневное построение на линейку» [Родионова 1988: 10] и которые трактовались им как бессмысленные и «показушные».

Сами бывшие вожатые не связывают перемены в «Артеке» с волной общественной критики, однако определяют пионерские ритуалы в терминах, созвучных журналистской риторике конца 1980-х годов, как «тупую шагистику» и «заорганизованные ритуалы»[2]. По их мнению, отказ от необходимости «постоянного ношения пионерских галстуков», когда на улице «жарища под 40»[3], был прогрессивным нововведением, которое никаким образом не причинило ущерба «содержанию» педагогической деятельности. Бывшие вожатые сходятся во мнении, что к 1991 году лагерь уже не был зависим от пионерской организации и «советских традиций»: с распадом Советского Союза коллектив лагеря первым делом избавился от этого ритуального «мусора». Советская идеология, если верить их словам, естественным образом отпала как «шелуха»[4] и «антураж»[5].

При этом, как можно заключить на основании приведенных высказываний, революционных изменений в педагогических технологиях лагеря в 1991 году также не произошло. Эти высказывания напоминают о классическом разделении, предложенном Э. Хобсбаумом для отличия «обычаев» от «изобретенных традиций»: «...“обычай” — это то, что судьи делают, тогда как “традиция”... это парики, мантии и другие формальные принадлежности и ритуализированные действия, сопутствующие собственно действию» [Хобсбаум 2000: 49]. Изобретенные пионерской организацией «традиции» с ее роспуском оказались нежизнеспособными, в то время как «обычаи» — то, что делали вожатые в пионерском лагере, — по их словам, остались прежними. Как можно описать этот привычный габитус бывших вожатых, который оказался сильнее политического слома? Что, по мнению бывших сотрудников, помогло лагерю удержаться на плаву, и, потеряв государственный заказ и финансирование, начать самостоятельно экономически обеспечивать свое существование в 1993 году?

Нетоталитарная гуманистическая педагогика лагеря

Помимо «пионерских» и «советских», по мнению бывших вожатых, в лагере существовали еще и специфические «артековские традиции» (как называли их вожатые), или «обычаи» (в определении Э. Хобсбаума), сформировавшиеся в советское время, но принципиально отличные от общепионерских. Если первые, как уже отмечалось, не наделялись особой ценностью, то вторые составляли основу педагогической технологии, которую сами педагоги считают «гуманистической», построенной на «общечеловеческих ценностях».

> — Но традиции сохранялись советские?
>
> — Да, нет, ну как? Это не были советские традиции, их нельзя было назвать советскими традициями, это были свои, артековские традиции. <...> Традиция здороваться, традиция приветствовать друг друга, традиция хорошо встречать детей в «Артеке» — вот это и были традиции[6].

---

2 Интервью с A. (работает в «Артеке» с начала 1960-х годов). 2015.
3 Там же.
4 Интервью с B. (работает в «Артеке» с начала 1990-х годов). 2018.
5 Интервью с C. (работает в «Артеке» с середины 1970-х годов). 2018.
6 Интервью с D. (работает в «Артеке» с начала 1980-х годов). 2018.

Исследователи советских образовательных проектов, равно как ветераны «Артека», связывают появление «гуманистической» линии в советской педагогике с эпохой оттепели. Д. Димке, чье исследование посвящено педагогическим технологиям появившейся с началом оттепели «фрунзенской коммуны», замечает, что отличительной чертой новой методики стало то, что «дети рассматривались как равноправные партнеры взрослых» [Димке 2018: 13]. Эта особенность была характерна и для других оттепельных проектов. Как показывает А. Дмитриев, появившееся в начале 1960-х годов направление ориентировало педагогов на развитие индивидуальных качеств ребенка, а с концом оттепели превратилось в предмет резкой критики за апелляцию к «абстрактным моральным категориям» в ущерб идеологии [Дмитриев 2015: 331]. В «Артеке» гуманистические техники воспитания начали разрабатываться в процессе поиска пути для исполнения государственного заказа — подготовки «инициативных» и «творческих» пионеров-активистов — который официально закрепился за лагерем в 1957 году. Для того чтобы дать раскрыться талантам ребенка, педагоги использовали такие инструменты, как имитация горизонтальных отношений между детьми и взрослыми, игровые методики мягкого руководства и, главное, — формирование «временного детского коллектива», который, как и в основной советской педагогической линии, рассматривался вожатыми и методистами «Артека» в качестве основного средства воспитания. Стоит подчеркнуть, что понятия «советская» и «гуманистическая» педагогика для самих вожатых не были антонимами. Как заметил А.В. Мудрик, «нетоталитарную» педагогику эпохи позднего социализма не стоит путать с «антисоветской». Если представители второй, по мнению автора, «не принимали господствующую идеологию, противопоставляли ей принципиально иные педагогические взгляды», то первые «были нетоталитарными стихийно, а не сознательными противниками господствующей идеологической системы» [Мудрик 2018: 151] Подтверждением этому может служить тот факт, что информанты редко отсылали к конкретным авторитетам (за исключением непосредственно работавших в «Артеке» начальников и вожатых — Е. Васильева, начальника дружины «Полевая» (1963—1970) и «Лесная» (1970—2003), С. Полозковой (Васильевой), начальницы дружины «Полевая» (1981—1998), В. Вагнера, вожатого дружины «Полевая» и режиссера кинофестиваля (1982—2000) и других). При этом, как ни странно, чаще всего в качестве авторитета упоминали А.С. Макаренко. Однако его идеи трансформировались: если у Макаренко и его прямых последователей личность рассматривалась как объект воздействия коллектива («коллектив является воспитателем»), то в интерпретации одного из бывших артековских начальников «коллектив» предстает условием развития и проявления индивидуальных качеств личности:

> Коллектив не самоцель, услышали меня? Коллектив, как инструмент для развития личности. Понимаете, как смещены акценты? Личность ребенка прежде всего. Ты увидел этого ребенка. А как ты его показал всем? Ты ему дал реализоваться в коллективе или нет?[7]

Большинство бывших вожатых «Артека» сходятся во мнении, что «гуманистическая» вариация традиций советской педагогики, сложившаяся в условиях лагеря в 1960—1980-е годы, в 1990-е не воспринималась как анахронизм и со-

7 Интервью с Е. (работает в «Артеке» с конца 1970-х годов). 2018.

ответствовала социальному заказу новой демократической эпохи. Дети коммерсантов, по словам первого директора постсоветского «Артека», еще больше нуждались в познании «нравственных ценностей», чем измученные идеологией пионеры-активисты:

> В общем, стало понятно, что наши дети — украинские, российские, все — находятся в небывало жестких условиях. И именно в этих условиях «Артек» должен стать для них местом, где на детей никто не давит. Где существует педагогика сотрудничества, как это называется в нашей концепции (к слову, ее в значительной степени создал наш замечательный педагог и режиссер Владимир Вагнер, умерший в прошлом году). Она, по сути своей, проста: чем учить детей, как им следует жить в новом нашем обществе, в котором мы и сами-то не особенно уютно устроились, лучше вместе с ними познавать мир, вовремя подставляя им, неокрепшим, свое более опытное плечо [Сидоренко 1999].

С отказом от советских ритуалов время, освободившееся от пионерских линеек, собраний и массовых мероприятий, заняла работа в отрядах. Прежде вожатым при планировании своей деятельности приходилось постоянно сверяться с разнарядками ЦК ВЛКСМ и утвержденным на смену общелагерным планом тематических смен (будь то смена друзей клуба интернациональной дружбы, смена пограничников, смена юнкоров и так далее), в связи с чем на «отрядные дела» (занятия, организуемые вожатым непосредственно для того коллектива детей, с которым он работает) времени практически не оставалось. С наступлением постсоветского периода перед педагогами-организаторами (именно так в «Артеке» 1990-х годов стали называть вожатых) открылись безграничные просторы «самим сочинять программу»[8] и организовывать творческую деятельность в соответствии со своими личными интересами и возможностями. Впрочем, «личность вожатого» — молодого образованного человека с широким кругозором и индивидуальными, неповторимыми интересами — пестовалась и в советском «Артеке». Увлеченность вожатого каким-нибудь делом рассматривалась как главный из возможных приемов неавторитарного воздействия на ребенка, благодаря которому возможно было не прибегать к жестким педагогическим приемам — принуждению, убеждению и разъяснению. «Личный пример» значимого взрослого оценивался как сильный эмоциональный сигнал, способный побудить ребенка к действию:

> Вот если ребенку что-то не нравилось... Ну, не хочется ему маршировать. Ну, я не говорила: «Так, вот все маршируем дружненько!» Я говорила: «Ну, давай, ты посмотришь. Посиди!» Я не говорила: «Вот я люблю, и вы давайте тоже, любите со мной!» Но мне так нравилось перестраиваться! И если дети видели, что я это делаю как-то с воодушевлением — и они делали это с воодушевлением. Если конкурс бального танца — я любила вот сама танцевать, то и отряд у меня танцевал, если я горнила и барабанила — то отряд у меня горнил и барабанил[9].

Истории вожатых полны рассказов о ярких личностях — режиссерах, музыкантах, поэтах, — которые нашли в советском «Артеке» место для реализации своих творческих амбиций. Причем их ретроспективные оценки совпадают и со

---

8 Интервью с С.

9 Интервью с F. (работает в «Артеке» с середины 1970-х годов). 2018.

взглядом изнутри СССР: например, в документальном фильме «Всего одна смена» (1974, режиссер В. Зеликин) о системе работы в одной из дружин «Артека» — «Лесная» — рассказывается история вожатого Левана, поглощенного танцами и умевшего вовлечь в это дело любого ребенка [Всего одна смена 1974].

Так, минуя политические перипетии и финансовые трудности 1990-х годов, украинский «Артек» продолжал опираться на педагогическую модель, разработанную еще в начале 1960-х. Эта педагогическая технология имела много общего с другими оттепельными новациями в советской педагогике («коммунарским движением» И.П. Иванова, «гуманистической педагогикой» В.А. Сухомлинского, «педагогикой игры» С.А. Шмакова, зародившейся в начале 1970-х «педагогикой сотрудничества» В.Ф. Шаталова), однако для вожатых «Артека» позднесоветского периода она имеет свое название — «артековская» педагогика. Любопытно, что эта методика, хотя и базировалась на опыте советских педагогов-классиков, не была специфическим советским изобретением. Л. Пэрис, например, чьим предметом исследования являлись американские летние лагеря, подчеркивает, что и в основе американских воспитательных технологий летнего лагеря лежит идея *коллектива*, помогающего ребенку осознать те неизбежные изменения, которые с ним происходят, когда он переходит от одной стадии детства к другой, приобретая новые навыки, становясь все больше и сильнее и принимая на себя новые социальные роли [Paris 2008: 259]. Вероятно, благодаря этому сходству в начале 1990-х годов «Артеку» удалось запустить программы международного сотрудничества (обмен со школами США, вступление в Международное содружество детских лагерей (1995), Международный конкурс педагогов (1996)) [Грива 2001: 107—108]), что также помогло бывшему пионерскому лагерю оставаться востребованным и актуальным в перечне товаров и услуг новой демократической эпохи.

Эффективный менеджмент и смерть советского коллектива

G.: Что тут разговаривать про методику «Артека». <...> Чем отличается она вообще от педагогики советского периода или постсоветского?

I.: Здравствуйте! Здесь у тебя временный детский коллектив!

G.: На чем она основана?

I.: Детский временный коллектив, три составные части: оргпериод, основной и заключительный период! Каждый ребенок, во-первых, коллектив у нас был, [нужно было учитывать] роль личности в этом коллективе, и что ребенок индивидуален, что [важно] дать возможность этой личности проявиться! И в коллективе быть востребованным!

G.: Вот. А проявиться на основаниях какой деятельности? Коллективно-творческой деятельности!

I.: Конечно! Любой деятельности — у нас была и спортивная, и творческая, и трудовая, и персики собирали, и маслины собирали! <...>

G.: В этом ребенок и проявлялся. А сейчас у нас что?

I.: А сейчас — ничего! У нас образовательное... У нас сейчас не лагерь! У нас нет же лагеря!

G.: У нас сейчас учреждение!

I.: Образовательное пространство! Образовательное, да, да! А здесь не нужно ставить [ребенка в активную позицию]! А у нас был коллектив! И как бы там ни было! А деятельность, уж как бы мы не говорили — деятельность — она сплачивает и дает возможность каждому ребенку. А сейчас деятельность у всех тут[10]... Им не хочется общаться друг с другом! Они идут по дороге, они сидят, они пришли к нам вот, здесь сели... Общение живое им не нужно, они не хотят, даже поговорить не хотят[11].

10 марта 2015 года Правительство Российской Федерации подписало распоряжение об утверждении программы развития нового «Артека». В нем говорилось, что, помимо «морально и технически устаревшей» инфраструктуры, «Артек» нуждается и в создании «новой образовательной среды» [Программа 2015: 2, 5]. Выдвигая на первый план все те же непреходящие «нравственные ценности», что и «ветераны Артека», а именно — «самовыражение, личностный рост и гражданскую солидарность» (так они сформулированы в новой концепции развития «Артека») [Перезагрузка 2015: 3], новые идеологи решили изменить способы их достижения.

Если бывшие вожатые считают, что в условиях лагеря главным средством для раскрытия потенциала ребенка служит «временный детский коллектив», то новая концепция настаивает на «проектировании для самореализации личности пространства персонального образования» [Там же: 3]. К таким формулировкам, по всей видимости, новое руководство привело не только желание уйти от понятия «коллектив», вызывающего нежелательные ассоциации с советским прошлым, но и желание согласовать жизнь лагеря с законами так называемого эффективного менеджмента. В одном из учебников для высшего профессионального образования по направлению «менеджмент» под его «эффективностью» понимается «экономичность, т.е. способность наилучшим (оптимальным) образом распределять и использовать имеющиеся ресурсы» и «результативность, характеризующаяся степенью достижения организации ее цели» [Абчук 2002: 440]. Росту экономичности, соответственно, способствует стремление к ускорению процесса (сокращению планирования и окончания процесса работы) и снижению потребления ресурсов; а повышению результативности — более точные планирование и отчеты.

Руководствуясь, по всей видимости, этими правилами, представители новой дирекции «Артека» сочли, что результат педагогической деятельности должен быть измеримым. Прежде для осознания продуктивности своей деятельности педагогам лагеря было достаточно заметить «горящие глаза» детей или услышать их высказывания о том, какие положительные изменения произошли с ними за смену в лагере. В системе координат новой утверждаемой технологии образования ни то, ни другое не признается более надежным свидетельством успеха в воспитательном процессе. То же происходит с оценкой процесса оздоровления. Так как прежние способы измерения его в набранных килограммах кажутся пережитком, то и само определение лагеря как места «отдыха и оздоровления» ставится под сомнение [Ээльмаа 2017: 6].

---

10 Имеется в виду — в здании центра дополнительного образования и детского творчества.

11 Диалог, случившийся между G. и I. (бывшими вожатыми, ныне руководителями детских студий; работают в «Артеке» с начала 1980-х годов). 2018.

В соответствии с новой концепцией смена в лагере должна состоять из множества образовательных, видимых и легко подсчитываемых «событий», обеспечивать которые должны образовательные программы, разработанные партнерами лагеря, среди которых ведущие российские университеты, Роскосмос, РГО, Федерация тенниса в России и другие. С точки зрения авторов новой концепции, такая оптимизация процесса должна наполнить классические педагогические технологии новым содержанием. Однако сотрудники лагеря, которые присоединились к его коллективу задолго до 2014 года, видят во всем этом препятствие для реализации проверенной временем методики. Одна из моих собеседниц поделилась наблюдением, что в первоначальных планах нового руководства даже высказывалась мысль отводить первые дни смены не на формирование коллектива и привыкание к новым условиям и друзьям, а на знакомство с направлениями профильной работы. С точки зрения логики эффективного менеджмента это решение не кажется проблематичным, ведь оно ведет к «ускорению процесса» работы. Но для старой школы методистов «Артека» «оргпериод», кажущийся менеджерам пустой тратой времени, понимается как основа успеха всей дальнейшей педагогической деятельности:

> Там еще перед первым ШПР'ом ко мне пришла одна дама и говорит: «Нет. Мы все будем делать по-новому! <...> Там в этой вот вашей программе оргпериод — убираем, основной период — убираем, заключительный — убираем, это — убираем, это убираем, это убираем!» Мы сидели вчетвером с отдела. Мы говорим: «Подождите! Как убираем? Мы вожатым не должны про это рассказывать?» — «У нас все будет по-новому!» — «А как мы будем принимать детей?» Она говорит: «Дети приедут, мы их примем, они переночуют, и на следующий день мы им расскажем, какие у нас есть направления и профильные отряды, вот, и они выберут себе отряд и пойдут туда, куда они выбрали». Я говорю: «Подождите! А спать они будут где?» — «Ну, в кроватях! А мы потом их переселим!» Я говорю: «Как это? А сопли, слюни и все остальное, что в оргпериод случается, пока они не сдружатся, то есть у нас это все это отменяется? Мы про это вожатым не рассказываем? То есть дети приехали — они не будут страдать по дому, их не надо знакомить друг с другом? Не надо создавать условия, чтобы они подружились?» — «Я вам сказала: все будет по-новому!»[12]

Если прежде методисты и вожатые уделяли массу внимания сплочению детского коллектива (с помощью игр, «огоньков», «отрядных кругов», «коллективно-творческих дел» — которые и составляли основу программы лагеря), то современные управляющие, не отрицая важность горизонтальных связей, считают, что специальных усилий педагогов для их формирования не требуется: «...главное, что мы можем и должны делать, — минимально мешать горизонтальным связям между детьми, просто давать поводы для выстраивания этих "мостов"» [Ээльмаа 2017: 7]. Как следствие, не в чести оказались и старые механизмы формирования коллектива, например «кричалки». Во время одной из частных бесед уже знакомый читателю реформатор N. признался мне, что находит их лишенными смысла. Закономерно, что технологии сплочения через выкрикивание бессвязного набора слов вроде «Парам-парейро — хей!» плохо согласуются с задачами преобразования «Артека» в ведущий образовательный центр.

---

12 Интервью с В.

Но новая концепция «Артека» вызывала у бывших вожатых не только опасение в связи с пренебрежением к сложившимся методикам создания временного детского коллектива. Если раньше, как уже отмечалось, большая часть воспитательной работы лежала на плечах «значимого взрослого» — вожатого, который благодаря особым приемам и небольшой разнице в возрасте мог выстраивать с детьми доверительные горизонтальные отношения и, опираясь на них, организовывать «коллективно-творческие дела», то в новой образовательной концепции лагеря вся наполненная содержанием деятельность оказалась отданной в руки партнеров-профессионалов. В интервью большинство ветеранов «Артека» сетовали на то, что современные вожатые поставлены в позицию «пастухов» или «поводырей». Потеряв право на осмысленную деятельность, они лишись возможности завоевать признание детей и вести настоящую воспитательную деятельность:

> Вожатый имел лицо, отряд имел лицо, лагерь имел лицо, программу деятельности! Характер! <...> А когда сегодня все спускают! Спускает Москва сегодня! То останется что: довести ребенка, сводить на Аю-Даг, сводить ребенка туда, сводить ребенка в душ, сводить ребенка в кассу, сводить ребенка еще куда-то, еще куда-то и еще куда-то. Пастухи! Не хочу, не хочу оскорблять нынешних вожатых — они поставлены в эту позицию. Пастухи, причем одни более профессиональные, другие менее профессиональные[13].

Таким образом, сама концепция «образовательного лагеря», во главе угла которой оказалось освоение новых компетенций (пусть и в неформальной обстановке), поставила под угрозу главный смысл, который вкладывали в смену ветераны «Артека». По их мнению, главным, что мог получить ребенок за непродолжительную смену в детском лагере, являлся «мощнейший социальный опыт»[14]. У «Артека», как утверждают старожилы, были и есть все необходимые условия для того, чтобы дети его приобрели, а именно возможность провести несколько недель в отдаленном от дома месте и в коллективе, представители которого собрались из разных уголков страны и в котором каждый обладает своими уникальными талантами и знаниями. Именно тому, чтобы ребенок в ситуации лагеря получил успешный опыт взаимодействия со сверстниками, и была подчинена вся работа педагогов [Козлова 2020]. Исходя из наблюдения за поведением каждого, они планировали различные дела, которые в том числе могли быть и образовательными (например, интеллектуальные викторины, где каждый ребенок отвечал за ту область знания или творчества, в которой он наиболее талантлив и успешен), но при этом были встроены в общую канву развития коллектива.

Эффективные менеджеры в этой работе не смогли разглядеть ни прогнозируемых образовательных результатов, ни вразумительного содержания. Они не провозгласили открытый отказ от нее, но отодвинули на второй план. Вожатые же старой школы уверены, что с передачей содержательной программы лагеря в руки профессионалов уникальный воспитательный потенциал лагеря перестал выполняться в полной мере.

---

13 Интервью с K. (работала в «Артеке» с середины 1960-х по конец 2000-х; ныне проживает в пос. Гурзуф). 2015.

14 Интервью с D.

Ребрендинг на обломках советского

Стремление рационально расходовать ресурсы (то есть доверить образование в руки профессионалов и получить результат) привело не только к подтачиванию сложившихся приемов работы, но и к фактическому сокращению носителей советских традиций в штате лагеря. Как уже упоминалось выше, советский порядок предполагал, что педагогами «Артека» всех мастей и направленностей становились главным образом хорошо зарекомендовавшие себя бывшие вожатые. Но в условиях сотрудничества с партнерами-профессионалами и применения технологий аутсорсинга такой штат новое руководство находит излишним, затратным и бесполезным, а логика его комплектования исключительно из тех, кто прошел вожатскую школу, напоминает им «сектанскую» [Встреча 2018]. Как следствие, в лагере совершаются кадровые перестановки, в результате которых «ветераны лагеря» оттесняются от руководящих позиций. Обсуждать эту тему в интервью, которые были записаны мной в лагере в 2015-м и особенно в 2018 году, информанты часто не решались или делали это с болезненной неохотой. Разговор о советской педагогике часто начинался с таких реплик: «Сейчас наши традиции никому не интересны»[15], «Этого не было, ничего этого не было для нового руководства и всех остальных. Этого ничего не было, это наши сказки. Понимаете?»[16]. О том, какое место сейчас занимает советское прошлое лагеря для нового «Артека», ветераны лагеря предпочитали не упоминать или говорить в иносказательной форме. Например, одна из бывших вожатых прибегла для этого к метафоре вырубки старых деревьев на территории парков лагеря в процессе реконструкции:

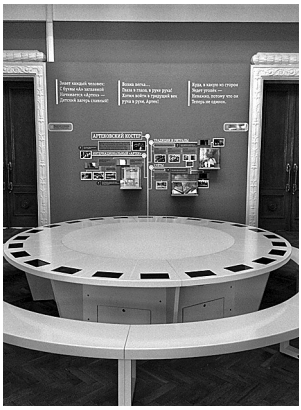
> Здесь было то, здесь было то, здесь была аллея… Ее снесли, уничтожили… Деревья. Да, да, коммуникации проводили, такие деревья — все поуничтожали, вы не представляете. Вот это да, вот это боль. Ну, видите как, новое! Старое выдергивается все с корнями, даже деревья. Столетнюю липу уничтожили за дворцом Суук-Су. Столетнюю, которую Соловьева садила, основательница Суук-Су. Как можно? <…> Работа есть, все прекрасно, забота о детях сейчас в первую очередь. И питание, и одежда — ну все-все всевозможное. <…> Но сегодня о сотрудниках не думают. Потому что легко — что? Привести нового! Другую бригаду-команду и все[17].

Политику памяти в отношении советского наследия хорошо иллюстрирует и процесс реконструкции музея. До 2018 года он представлял собой экспозицию из семи залов, выстраивавших поэтапный нарратив истории лагеря, которые были полны многочисленными артефактами и экспонатами, например образцы старой формы, первая палатка, бюсты и скульптуры пионеров-героев, Саманты Смит, подарки лагерю знаменитых людей и делегаций (*ил. 1, 2*). В 2018 году музей истории лагеря был преобразован в музейно-образовательный комплекс: теперь его экспозиция на 90% интерактивна и мультимедийна, а в единственном зале, посвященном традициям лагеря (остальную часть музея занимает научная лаборатория, электронный архив для самостоятельных исследований, библиотека и экспозиция, посвященная Крыму в истории России),

---

15 Интервью с L. (работает в «Артеке» с середины 1970-х годов). 2018.
16 Интервью с M. (работает в «Артеке» с начала 1970-х годов). 2018.
17 Там же.

Ил. 1, 2. Фрагменты экспозиции музея истории «Артека» до реконструкции (2015). Фотографии Анны Козловой



Ил. 3—5. Фрагменты экспозиции обновленного музейно-образовательного комплекса «Артека». Зал №4 («Артековский костер») посвященный истории лагеря (2018). Фотографии Анны Козловой

артефактов советской эпохи немного: ноты артековских песен с автографом Кабалевского, барабан с автографами строителей большого «Артека» и шкатулка с угольками из артековского костра, привезенными в «Артек» пионерами разных лет на празднование девяностолетия лагеря (*ил. 3—5*). В день открытия обновленного музея большая часть советских экспонатов была составлена в небольшую комнату, где расположены рабочие места экскурсоводов (*ил. 6, 7*). Мне неизвестно, стали ли они частью новой экспозиции после того, как я покинула лагерь: директор музея сообщил, что их просто не успели расставить к открытию. Но очевидно, что стержнем и гордостью нового музея они уже никогда не будут.

Ил. 6, 7. Часть экспонатов в одном из служебных помещений в день открытия новой экспозиции музея (26.03.2018). Фотографии Анны Козловой

* * *

Глобальная реконструкция лагеря, начатая по инициативе российской власти, актуализировала культурную память о советском «Артеке» в российском медийном пространстве. Идея связи времен между советским и российским «Артеком» проявилась не только в новой эмблеме лагеря, но и в возвращении ему прежней флагманской роли среди центров дополнительного образования, а также механизма распределения бесплатных путевок между талантливыми детьми. Однако в процессе реновации центра новая дирекция столкнулась с интересами локального сообщества — «ветеранами Артека», прямыми продолжателями и наследниками педагогической технологии, разработанной в лагере в советское время и отстаивающими свое видение дальнейшего развития центра. Новым руководством сопротивление местных сотрудников было воспринято как досадная помеха: концепция «перезагрузки», запланированная ими, предполагала снятие проблемы незавершенных задач и стирание «живого прошлого» из новой программы центра. При этом стоит настоятельно подчеркнуть, что разрушение существующего уклада не было самоцелью новых управляющих: подобно европейским управленцам колониальных стран, они стремились лишь навести порядок в хаосе категорий, плохо переводимых на привычный для системы образования язык, синтезировав старое и новое (в нашем случае — лагерь и школу), выбрав перспективные пути развития и «разбавив их тем, что есть» [Ranger 1983: 250]. Но такой синтез, как показывает Т. Рейнджер, имеет обыкновение оказываться совершенно новым творением, дискредитирующим старую систему. Как и в процессе реконструкции музейного комплекса, так и при построении новой педагогической линии, в соответствии с которой «Артек» должен был стать образовательным центром, новым идеологам хотелось избавиться от советского наследия, выглядевшего несовременно и неэффективно. В результате среди понятий, отодвинутых на второй план, оказалось и основополагающее для существовавшей традиции понятие «коллектив». Отношение к советскому наследию при построении современной концепции «Артека» напоминает культурную апроприацию, в основе

которой лежит лишь эксплуатация советского бренда, не более того. Можно ли назвать такой «ресайклинг» «апсайклингом», сказать трудно.

В то же время более чем девяностолетняя история детского центра показывает, что коллектив сотрудников на протяжении доброй половины прошлого столетия успешно преодолевал внешние воздействия, обусловленные государственными разнарядками. Так, постановление 1957 года должно было превратить лагерь в «школу», а точнее, в «школу пионерского актива». Как следствие, Центральный совет Всесоюзной пионерской организации стал предъявлять «Артеку» требования о том, чтобы каждый пионер покидал лагерь с «удостоверением пионера-артековца», в котором должны были быть указаны конкретные «пионерские навыки и знания», которыми овладел пионер в течение лагерной смены [Селихов 1958]. Между тем вожатые, прилежно отражая в отчетах, сколько пионеров научилось «подавать пионерские сигналы на горне», «проводить отрядные линейки» или «вязать морские узлы», разрабатывали педагогическую технологию, которая была направлена на создание условий для самореализации ребенка во временном детском коллективе. Эта методика, отвечая государственному заказу (воспитывать пионеров-активистов), в то же время имела очень много общего с «гуманистической» линией педагогики позднесоветского периода. В другой «школе пионерского актива», «младшем брате» «Артека» «Орленке», с которым «Артек» имел тесные связи, очень схожая педагогическая традиция подвергалась резкой критике ЦК ВЛКСМ, и за приверженность ей сотрудники лагеря (равным счетом как и сотрудники сегодняшнего «Артека»), были обвинены «в сектантстве»[18]. Тем не менее, «поменяв неугодные названия», педагогам обоих лагерей оказалось под силу сохранить «гуманистическую» педагогическую традицию в годы застоя и взять ее с собой в «светлое демократическое будущее», избавившись при этом от «идеологической шелухи». Учитывая, что новые требования крайне похожи на те, что предъявлялись коллективу лагеря шестьдесят лет назад, вполне возможно, что уже сейчас методисты и вожатые центра нашли тактики, при помощи которых они смогут инкорпорировать свой опыт в концепцию нового «Артека».

Библиография / References

[Абчук 2002] — *Абчук В.* Менеджмент: Учебник. СПб.: Союз, 2002.

(*Abchuk V.* Menedzhment. Saint Petersburg, 2002.)

[Артек 2015] — «Артек»: назад в будущее! // https://artek.org/press-centr/news/artek-nazad-v-budushee (дата обращения: 25.05. 2019).

("Artek": nazad v budushhee! // https://artek.org/press-centr/news/artek-nazad-v-budushee (accessed: 25.05.2019).)

[Бойм 2013] — *Бойм С.* Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. 2013. №3 (89). С. 118—139.

(*Boym S.* The Future of Nostalgia // Neprikosnovennyy zapas. 2013. №3 (89). P. 118—139. — In Russ.)

[Грива 2001] — *Грива О.* Артек в международном образовательном пространстве // Мир образования — образование в мире. 2001. № 2. С. 100—111.

18 Записки, справки ЦСП ВПО им. Ленина и др. материалы о работе ВПЛ «Орленок». Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-2. Оп. 1. Д. 77. Л. 1—30.

(*Griva O.* Artek v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve // Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire. 2001. № 2. P. 100—111.)

[Бреслер 2018] — *Бреслер Д.* Малые Банные чтения. «О пользе и вреде культурного наследия для жизни» // Новое литературное обозрение. 2018. № 6 (154). С. 380—396.

(*Bresler D.* Malyye Bannyye chteniya. "O pol'ze i vrede kul'turnogo naslediya dlya zhizni" // Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. № 6 (154). P. 380—396.)

[Встреча 2018] Встреча в «Артеке» // https://b2camp.ru/blog/встреча-в-артеке-2/ (дата обращения: 25.05.2019).

(Vstrecha v "Arteke" // https://b2camp.ru/blog/встреча-в-артеке-2/ (accessed: 25.05.2019).)

[Всего одна смена 1974] — Всего одна смена // https://www.youtube.com/watch?v=f5gqBHzzzzA (дата обращения: 18.11.2019).

(Vsego odna smena // https://www.youtube.com/watch?v=f5gqBHzzzzA (accessed: 18.11.2019).)

[Горалик 2006] — *Горалик Л.* Росагроэкспорта сырка: Символика и символы советской эпохи в сегодняшнем российском брендинге // Теория моды. 2006. № 4. С. 6—21.

(*Goralik L.* Rosagroeksporta syrka: Simvolika i simvoly sovetskoy epokhi v segodnyashnem rossiyskom brendinge // Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura. 2006. № 4. P. 6—21.)

[Димке 2018] — *Димке Д.* Незабываемое будущее: советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common place, 2018.

(*Dimke D.* Nezabyvaemoe budushchee: sovetskaya pedagogicheskaya utopiya 1960-kh godov. Moscow, 2018.)

[Дмитриев 2015] — *Дмитриев А.* Сердечное слово и «республиканский уровень»: Советские и украинские контексты творчества Василия Сухомлинского // Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940—1980-е) / Ред., сост. И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 317—360.

(*Dmitriev A.* Serdechnoe slovo i "respublikanskiy uroven'": Sovetskie i ukrainskie konteksty tvorchestva Vasiliya Sukhomlinskogo // Ostrova utopii: Pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoy shkoly (1940—1980-e) / Eds I. Kukulin, M. Mayofis, P. Safronov. Moscow, 2015. P. 317—360.)

[Житникова 2018] — *Житникова Ю.* Как строят город счастья. Реконструкция вернула к жизни легендарный «Артек» // Аргументы и факты. 2018. 29 августа.

(*Zhitnikova Yu.* Kak stroyat gorod shchast'ya. Rekonstruktsiya vernula k zhizni legendarnyy "Artek" // Argumenty i fakty. 2018. August 29.)

[Коваленко 1963] — *Коваленко Р.* Артекка оэчугей! // Пионерская правда. 1963. 16 июля. № 56. С. 3.

(*Kovalenko R.* Artekka oechugey! // Pionerskaya pravda. 1963. July 16. № 56. P. 3.)

[Козлова 2020] — *Козлова А.* Как воспитать пионеров самостоятельными и инициативными: педагогические тактики «Артека» и «Орленка» (1957—1991) // Антропологический форум. 2020. № 45. С. 75—115.

(*Kozlova A.* Kak vospitat' pionerov samostoyatel'nymi i initsiativnymi: pedagogicheskie taktiki "Arteka" i "Orlenka" (1957—1991) // Antropologicheskiy forum. 2020. № 45. P. 75—115.)

[Логинова 1989] — *Логинова Н.* Праздник со скандалом // Литературная газета. 1989. 6 сентября. № 36.

(*Loginova N.* Prazdnik so skandalom // Literaturnaya gazeta. 1989. September 6. № 36.)

[Мудрик 2018] — *Мудрик А.* О нетоталитарных концепциях в отечественной педагогике советского периода (к столетию со дня рождения Л.И. Новиковой) // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 1. С. 151—156.

(*Mudrik A.* O netotalitarnykh kontseptsiyakh v otechestvennoy pedagogike sovetskogo perioda (k stoletiyu so dnya rozhdeniya L.I. Novikovoy) // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2018. № 1. P. 151—156.)

[Муртазаев 1987] — *Муртазаев А.* Всегда готовы! К чему? // Правда. 1987. 13 декабря. № 347.

(*Murtazaev A.* Vsegda gotovy! K chemu? // Pravda. 1987. December 13. № 347.)

[О создании 2014] — О создании федерального государственного бюджетного учреждения «Международный детский центр "Артек"» // http://government.ru/docs/13111/ (дата обращения: 26.11.2019).

(O sozdanii federal'nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo uchrezhdeniya "Mezhdunarodnyy detskiy tsentr 'Artek'" // (http://government.ru/docs/13111/ (assessed: 26.11.2019).)

[Перезагрузка 2015] — Артек 2.0. Перезагрузка. Концепция развития международного детского центра «Артек» (версия для общественного обсуждения). 2015 // http://map.artek.org/razvitie_vert.pdf (дата обращения: 25.05.2019).

(Artek 2.0. Perezagruzka. Konceptsiya razvitiya mezhdunarodnogo detskogo tsentra "Artek" (versiya dlya obshchestvennogo obsuzhdeniya). 2015 // http://map.artek.org/razvitie_vert.pdf (accessed: 25.05.2019).)

[Презентация 2014] — Презентация Концепции развития международного детского центра «Артек» // https://sn.ria.ru/2014

1008/1027436443.html (дата обращения: 25.05.2019).

(Prezentatsiya Kontsepcii razvitiya mezhdunarodnogo detskogo tsentra “Artek” // https://sn.ria.ru/20141008/1027436443.html (accessed: 25.05.2019).)

[Программа 2015] — Программа развития федерального государственного бюджетного учреждения «Международный детский центр “Артек”» на 2015—2020 годы // http://media.artek.org/media/uploads/svedeniya-ob-obr-org/dokumenty/2programma-razvitiya-arteka.pdf (дата обращения: 17.11.2019).

(Programma razvitiya federal’nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo uchrezhdeniya “Mezhdunarodnyy detskiy tsentr ‘Artek’” na 2015—2020 gody // http://media.artek.org/media/uploads/svedeniya-ob-obr-org/dokumenty/2programma-razvitiya-arteka.pdf (accessed: 17.11.2019).)

[Родионова 1988] — *Родионова Н.* За роскошным забором // Смена. 1988. № 20 (1474). С. 10—11.

(*Rodionova N.* Za roskoshnym zaborom // Smena. 1988. № 20 (1474). P. 10—11.)

[Селихов 1958] — *Селихов К.* Артек — школа пионерского актива // Артек. 1958. № 15. С. 20—28. (Машинописный журнал. Хранится в Архиве Музея истории «Артека»).

(*Selikhov K.* Artek — shkola pionerskogo aktiva // Artek. 1958. № 15. P. 20—28. (A typewritten magazine. It is stored in the Archives of the Museum of “Artek” History).)

[Сергеева 1990] — *Сергеева И.* Артек: последний аргумент // Правда. 1990. 16 января. № 16.

(*Sergeeva I.* Artek: posledniy argument // Pravda. 1990. January 16. № 16.)

[Сидоренко 1999] — *Сидоренко М.* «У “Артека” были все шансы превратиться в гостиницы и бордели...» // Сегодня. 1999. 3 июля. № 121.

(*Sidorenko M.* “U ‘Arteka’ byli vse shansy prevratit’sya v gostinitsy i bordeli…” // Segodnya. 1999. July 3. № 121.)

[Столяров 1990] — *Столяров В.* «Артек» — витрина счастливого детства? // Детская литература. 1990. № 3. С. 23—26.

(*Stoljarov V.* “Artek” — vitrina shchastlivogo detstva? // Detskaya literatura. 1990. № 3. P. 23—26.)

[Тихомирова 2015] — *Тихомирова А.* Позднесоветский «апсайклинг»: поколенческая преемственность в женских практиках перешива одежды в брежневском СССР // Теория моды. 2015. № 3 (37). С. 55—84.

(*Tikhomirova A.* Pozdnesovetskiy “apsaykling”: pokolencheskaya preyemstvennost’ v zhenskikh praktikakh pereshiva odezhdy v brezhnevskom SSSR // Teoriya mody: odezhda, telo, kul’tura. 2015. № 3 (37). P. 55—84.)

[Хобсбаум 2000] — *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47—62.

(*Hobsbawm E.* The Invention of Tradition // Vestnik Evrazii. 2000. № 1. P. 47—62. — In Russ.)

[Шенле 2018] — *Шенле А.* Реконструкция ВДНХ, или Необыкновенная гибкость наследия // https://www.youtube.com/watch?v=Qkpx9M6QLk4 (дата обращения: 18.11.2019).

(*Schönle A.* Rekonstruktsiya VDNKh, ili Neobyknovennaya gibkost’ naslediya // https://www.youtube.com/watch?v=Qkpx9M6QLk4 (accessed: 18.11.2019).)

[Швыдков 1988] — *Швыдков М.* Требует уважения // Правда. 1988. 11 мая. № 132. С. 3.

(*Shvydkov M.* Trebuet uvazheniya // Pravda. 1988. May 11. № 132. P. 3.)

[Ээльмаа 2017] — *Ээльмаа Ю.* «Артек» как образовательный лагерь (стенограмма выступления на Всероссийском форуме «Детский лагерь — новое образовательное пространство») // Артек — Со-Бытие. 2017. № 1(15). С. 6—10.

(*Eel’maa Yu.* “Artek” kak obrazovatel’nyy lager’ // Artek — So-Bytie. 2017. № 1(15). P. 6—10.)

[Kozlova 2021] — *Kozlova A.* Why Pioneer Camps Survived the Collapse of the Soviet Union // Journal of Modern European History. 2021. № 19 (3). In print.

[Martinez 2018] — *Martínez F.* Remains of the Soviet Past in Estonia: An Anthropology of Forgetting, Repair and Urban Traces. London: UCL Press, 2018.

[Paris 2008] — *Paris L.* Children’s Nature: The Rise of the American Summer Camp. New York: New York University Press, 2008.

[Ranger 1983] — *Ranger T.* The Invention of Tradition in Colonial Africa // The Invention of Tradition / Eds E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 211—263.

[Thompson 1979] — *Thompson M.* Rubbish theory. Oxford: Oxford University Press, 1979.

[90 дней 2015] — 90 дней до 90-летия «Артека» // http://pressmia.ru/pressclub/20150320/950014677.html (дата обращения: 25.05.2019).

(90 dney do 90-letiya “Arteka” // http://pressmia.ru/pressclub/20150320/950014677.html (accessed: 25.05.2019).)